

ЛАРА ЧИТАЙ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО
ПО УСТАВУ

Лара Читай

Предательство по Уставу

<https://litres.ru/74262502>

Аннотация

– Я не идиотка! Ты пахнешь чужими духами, потом и ложью! Ты принёс этот запах сюда, в наш дом! В постель, где должен спать отец моего будущего ребёнка! И не прикрывайся им. Ты о нём думал, когда ползал по ней?

Я прошла через боль измен, которая выжгла во мне всё, кроме одного — инстинкта самосохранения. И я выжила. Я не та Лена, что была совсем недавно. Я не та, что терпела, молчала, старалась быть удобной. Я больше не буду стоять и ждать, сложив руки, пока жизнь решает за меня. У меня внутри билось сердце — моё собственное, и ещё одно, крошечное. И ради него, а в первую очередь ради себя, я должна была найти новый берег. Или построить его сама.

Содержание

Глава 1. Сергей. Чистый лист	4
Глава 2. Елена. Надежда на новую жизнь	9
Глава 3. Сергей. Главный ритуал	14
Глава 4. Елена. Новое место	19
Глава 5. Сергей. Планы на будущее	24
Глава 6. Елена. Одиночество вдвоем	28
Глава 7. Сергей. Волна апатии и разочарования	32
Глава 8. Елена. Знакомство с коллегами	36
Глава 9. Сергей. Первое знакомство с Марией	41
Глава 10. Мария. Впервые чувствую азарт	48
Глава 11. Елена. Две полосы	54
Глава 12. Сергей. Минное поле	59
Глава 13. Елена. Кабинет 214	63
Глава 14. Мария. Безопасная дистанция	68
Глава 15. Сергей. Обвал	77
Глава 16. Сергей. Падение	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1. Сергей. Чистый лист

Солнечный зайчик пляшет по потолку грузовика «Газель», и я ловлю его взглядом, как мальчишка. За окном мелькают, отдаляясь, знакомые до тошноты столбы и крыши нашего старого гарнизона. Не чувствую ни капли грусти. Только странную, щекочущую подреберье легкость. Как будто сбросил тяжёлый, пропотевший на учениях бронежилет и впервые за долгое время вздохнул полной грудью.

– Смотри, Серёж, коровы! – Елена ткнула пальцем в окно, прижимаясь ко мне плечом.

Её глаза сияли, как десять лет назад, когда мы срывались на её развалюхе «Жигули» на юг, без плана и карты. На щеке у неё прилипла соринка. Я смахнул её большим пальцем.

– Не коровы, а исторические памятники местного животноводства, – парировал я. – Вон та, в пятнах, явно участница парада Победы сорок пятого.

Она фыркнула, ударила меня мягко по колену.

– Дурак. А я буду по ним скучать.

– По коровам?

– По всему. По нашему кривому забору. По этому вечно-му болоту у КПП. По старику Петровичу, который орал каждое утро на своего пса... Как там пёс-то?

– Шарик! – хором выкрикнули мы и рассмеялись. Смех наш заполнил кабину, вытеснив запах бензина и старого же-

леза.

Водитель-срочник, паренёк с натруженными руками, робко ухмыльнулся в зеркало заднего вида. Мир за стеклом был уже не враждебной равниной, а бегущей навстречу дорогой. Я положил руку на шею Елены, почувствовал тёплые, знакомые волосы под пальцами.

– Новый начальник отдела, – произнёс я вслух, пробуя звучание. – Звучит солидно.

– Звучит как человек, который наконец-то выспится, – сказала Елена, прикрывая глаза от солнца. – И будет приходить домой к ужину. Мы договорились, да, полковник?

– Так точно, гражданка Орлова, – отдал я шутливую честь. – Ужин, диван, сериал. Весь арсенал домашнего счастья к вашим услугам.

Она взяла мою руку, переплела пальцы с моими. Её ладонь была шершавой от картонных коробок и шпагата.

– Помнишь, как ты боялся, что не вступишь? В новом коллективе?

– Страшно, – признался я. – Как курсанту на первом прыжке. Земля уходит из-под ног, а ты не знаешь, раскроется купол или нет.

– Раскроется, – твёрдо сказала она, не открывая глаз. – У тебя всё всегда получается. Ты просто привык всё контролировать. А тут... Сдайся на милость течения, мой капитан.

Я смотрел на её профиль, на длинные ресницы, отбрасывающие тень на скулу. Она была права. Я тащил на себе не

только вещи, но и груз ожиданий, правил, протоколов. Десять лет в строю. Чётко, безопасно, предсказуемо. А теперь – вперёд, в неизвестность. И от этого не страшно, а... захватывающе.

«Газель» потрянуло на колдобине. Со стороны грузовой части донёлся звонкий, но безобидный звук – наверное, столкнулись наши чемоданы.

– Надеюсь, моя коллекция кружек цела, – пробормотала Елена.

– А мои награды? – подыграл я.

– Твои награды, голубчик, в отдельной коробке, обмотанной в три слоя пузырчатой плёнки, как яйца Фаберже. Они доедут до потомков в целости и сохранности.

– А чашка наша? С трещиной – спросил я неожиданно.

Она открыла глаза, посмотрела на меня с мягким удивлением.

– Конечно. Она в моей сумочке. Не доверяю грузчикам такую драгоценность.

Я улыбнулся. Эта дурацкая чашка, подарок её студентки, пережила три переезда. Мы пили из неё утренний кофе после ночных дежурств, чай во время гриппа, глинтвейн в единственный по-настоящему снежный декабрь. Она была частью нас. Неидеальной, с изъяном, но – нашей.

– Знаешь, о чём я думаю? – сказала я, поворачиваясь ко мне всем корпусом. Её лицо было оживлённым, по-девичьи озорным.

– О том, где в новом городе лучший кофе?

– Нет. О том, что у нас будет балкон. Настоящий, просторный. И мы поставим там два кресла. И будем летними вечерами сидеть и смотреть на чужой, незнакомый город. Угадывать, что за свет в том окне, куда спешат эти люди... Мы же ничего о нём не знаем. Он для нас – чистый лист.

Глаза её горели таким азартом первооткрывателя, что моё сердце сжалось от нежности и какого-то внезапного стыда. Она видела приключение. А я последние недели видел только служебные инструкции и план квартиры.

– Чистый лист, – повторил я, обнимая её за плечи и притягивая к себе. – Страшновато. А если каракули получатся?

– Тогда зачёркиваем и пишем заново, – шепнула она в мою грудь. – У нас всё впереди, Серёж. Всё. Ты чувствуешь?

Я чувствовал. Сквозь ткань кителя чувствовал тепло её тела, стук её сердца – частый, живой, полный надежды. За окном проносились поля, сменяясь перелесками. Мы ехали. Вместе. И это «вместе» в этот момент не было тяжким грузом. Оно было точкой опоры, стартовой площадкой.

– Эй, – я отстранился, чтобы посмотреть ей в лицо. – А что насчёт обещания? Насчёт того самого дурацкого ритуала?

Она нахмурилась, потом вспомнила, и по её лицу расплылась широкая, счастливая улыбка.

– Обязательно. Как только переступим порог. Не минуты позже.

Мы замолчали, и в тишине кабины было слышно лишь

гудение мотора и наши синхронные вдохи-выдохи. Я смотрел в лобовое стекло, на убегающую вдаль ленту асфальта, и в груди расправлялись какие-то давно онемевшие крылья. Было страшно. Было непривычно. Было не по уставу.

Было потрясающе.

Глава 2. Елена. Надежда на новую жизнь

Солнце слепит, и я шурю, но отворачиваться от окна не хочется. Эти поля, эти кривые берёзки – они теперь часть нашей истории. История под названием «До». А впереди – заветное, манящее «После».

Я ткнула Сергея в бок, показав на коров. Он пахнет дорогой, бензином и своим обычным, острым и тёплым запахом – смесь крахмала от формы, мужского лосьона и чего-то неуловимого, только его. Он шутит. «Дурак» – говорю я, и сердце ёкает от нежности. Он снова шутит. В последнее время – так редко. Он был как натянутая струна, готовый сорваться в резкий, неуставной звук от любого прикосновения. А сейчас – смеётся. И я смеюсь вместе с ним, и смех вырывается наружу, как воздух из переполненной груди. Нас словно выдернули из привычной, застоявшейся аквариумной воды и бросили в быструю реку. Страшно? Ещё бы. Но и дышать так легко.

Паренёк за рулём ухмыльнулся. Мне вдруг стало за нас немножко стыдно и очень радостно. Смотрите, мол, мы не просто переезжаем. Мы – начинаем.

Рука Сергея на моей шее. Его пальцы осторожно перебирают волосы. Этот жест – мой тайный индикатор. Когда он

спокоен, когда его мысли здесь, со мной, он всегда так делает. Я закрываю глаза, притворяюсь, что дремлю, чтобы продлить этот момент. Чтобы запомнить это тепло на коже, эту лёгкую, почти невесомую тяжесть его ладони.

«Новый начальник отдела». В его голосе – не только гордость, которой он стыдится, но и лёгкое, детское любопытство. Как будто он получил не должность, а новую, сложную игрушку. И я верю – верю всем нутром! – что там, на новом месте, его наконец-то оставят в покое. Что эти вечные ночные бдения, эти внезапные вызовы, это напряжение, не сходящее с его плеч, как второй китель, – всё это останется в прошлом. В нашем старом, прокуренном кабинете с вечно текущей крышей.

Я говорю про ужин и диван. Шучу. Но в каждой шутке... Он называет меня «гражданкой». И от этого старого, ещё курсантского словечка щемит под сердцем. Потому что когда-то, сто лет назад, он говорил это с таким обожанием, что я готова была расплыться в лужицу счастья прямо на асфальте возле училища.

Я держу его руку. Шершавая, с мозолью на указательном пальце от ручки. Десять лет. Моя ладонь знает каждую выпуклость, каждую жилку. Иногда мне кажется, я знаю её лучше, чем своё собственное лицо. Знаю, как она дрогнет, когда он волнуется. Как крепко сожмётся, когда злится. Сейчас она расслаблена. И это – победа. Маленькая, личная, нигде не зафиксированная победа.

Он говорит про страх. Про купол. И я отвечаю твёрдо, хотя внутри сама полна сомнений. А вдруг не примут? А вдруг опять начнётся эта бесконечная гонка? Но ему нельзя сомневаться. Ему нужна скала. И я буду этой скалой. Потому что, если дрогну я – он может не выдержать. Я говорю «сдайся на милость течения», и сама ловлю себя на мысли: «Господи, только бы течение было добрым».

Я думаю о балконе. Это не просто мечта о мебели. Это план. Тактический план по спасению нас. На том балконе, в тех двух креслах, мы должны заново научиться разговаривать. Не о службе. Не о моих двоечниках. А о чём-то настоящем. О том, почему эта туча похожа на дракона. О вкусе вишнёвого варенья, которое я обязательно сварю. О глупостях. Мы разучились говорить о глупостях. Всё стало слишком серьёзным, слишком обстоятельным. Как его парадный китель.

Он обнимает меня, и я тону в этом объятии. Прячу лицо. Он спрашивает про чашку. Эту нелепую, потрескавшуюся чашку. И я снова чувствую этот укол нежности. Он помнит. Он ценит эти наши маленькие, дурацкие реликвии. Значит, не всё ещё затянула паутина служебных обязанностей и усталости. Значит, мой Серёжа, тот самый, который мог целый час рассказывать про устройство звезды, глядя на небо, – он ещё здесь. Просто очень глубоко.

Он напоминает про ритуал. Про глупейшее, смешное обещание, которое мы дали друг другу в ночь перед отъездом.

Первое, что мы сделаем в новой квартире. Не разберем вещи, не проверим счётчики. А это. Тайное, наше.

«Обязательно», — говорю я, и губы сами растягиваются в улыбку.

Я не добавляю вслух самое главное. Что для меня этот переезд — не смена декораций. Это последняя ставка. Последняя попытка отвоевать нас у этой армии, у этой вечной «срочности», у этого молчаливого отдаления, которое росло, как трещина в стене, с каждым годом. Я везу нашу любовь, как ту хрупкую чашку, в своей сумочке. И надеюсь, что на новом месте для неё найдётся безопасная, тёплая полка.

Дорогие читатели!

Благодарю вас за интерес к моей новой книге.

Роман основан на реальных событиях, но не лишен художественного вымысла автора.

«Предательство по Уставу» — это не про любовный треугольник. Это про то, что наступает «после».

После того, как хлопнула дверь.

После того, как прозвучало последнее «прости».

После того, как ты остаёшься один на один с тишиной, которая звенит в ушах громче любого скандала.

Это история трёх человек, которых взрыв одной измены разбросал по разным берегам.

Я приглашаю вас пройти этот сложный путь вместе с

моими героями. Обещаю, финал будет счастливым.

Если роман вас зацепил, то:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,*
- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить новинки,*
- поставьте лайк и напишите комментарий – ваше мнение бесценно.*

Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.

Искренне ваша, Лара Читай!

Глава 3. Сергей. Главный ритуал

Дверь в новую квартиру захлопнулась за спиной, заглушив топот удаляющихся грузчиков. Внезапная, оглушающая тишина. Мы стояли среди хаоса коробок в пустом, пахнущем свежей краской и чужой жизнью пространстве. Солнечные лучи резали пыльные столбы, в которых кружились миллионы мельчайших частиц нашего старого быта.

Я взглянул на Елену. Она, сняв ботинки, стояла босиком на прохладном линолеуме, оглядывая комнату широко раскрытыми глазами. В них читался тот же шок первооткрывателя, что и у меня. Мы были не гостями, а захватчиками этой пустоты.

– Ну что, гражданка Орлова? – я сорвал с себя китель, швырнул его на ближайшую картонную гору. Звук был вызывающе не по уставу. – Принимаем объект.

Она обернулась, и по её лицу пробежала озорная тень.

– Объект принимается. – Она сделала несколько шагов в центр гостиной, её шаги отдавались глухим эхом. – Но требуются срочные меры по обживанию территории, товарищ начальник отдела.

Мы стояли, разделённые тремя метрами пустоты, и электричество между нами было, почти осязаемое. Весь день мы болтали и смеялись, но сейчас, в этой тишине, слова оказались ненужными. Был только этот взгляд, полный взаимного

понимания и вспыхнувшего, как сухой спирт, желания.

– Ритуал, – хрипло напомнил я.

Она кивнула, не отрывая от меня глаз. Никто из нас не двинулся к коробкам с постельным бельём. Где-то там, в груде вещей, был наш наматрасник. Но до него было целое поле битвы с картоном и скотчем. И мы капитулировали перед необходимостью.

Я шагнул к ней. Она не отступила. Я притянул её к себе, ощутив всем телом её податливость и ответный напор. Поцелуй был не мягким и не нежным. Он был голодным, солевым от дорожной пыли, пахнувшим кофе из термоса и бесконечной свободой. Мы словно срывали друг с друга не одежду, а старую, истончившуюся кожу привычек.

– Здесь... – прошептала она, обрывая поцелуй и задыхаясь. Её руки уже расстёгивали ремень на моих брюках.

– На полу? – усмехнулся я, целуя её шею, висок, мочку уха.

– Наш пол. Пока он только наш.

Мы опустились на сложенное в несколько раз старое байковое одеяло, которое Елена инстинктивно выхватила из открытой коробки с текстилем. Жёстко. Холодно сквозь ткань. И безумно, до головокружения, возбуждающе. Это был не наш отполированный до блеска брачный ложе из гарнизона. Это была авантюра. Захват.

Я чувствовал каждую мышцу в её теле, каждое движение, лишённое привычной, почти ритуальной плавности. Она ку-

сала мне губу, её ногти впивались в спину сквозь ткань рубашки. Мы молчали, если не считать прерывистого дыхания и стука падающей со стопки книги где-то рядом. Мир сузился до квадратного метра колючего одеяла, до запаха её кожи и пыли, до яркого пятна солнца на потолке, которое прыгало в такт нашим движениям.

Это было не любовь. Это было утверждение. Закладка фундамента. Дикое, животное заявление: «Мы здесь. Мы живы. Это наше».

Потом мы лежали, сбив дыхание, глядя в тот самый потолок. Моя рука онемела под её головой, но я не шевелился.

– Балкон будет там, – сказала я, указывая пальцем куда-то в сторону.

– Кресла поставлю сам, – пообещал я. Голос был сиплым.

– Обязательно. А то криво получится.

Мы снова засмеялись, тихо, устало. По телу разливалась приятная тяжесть, а в душе – странное, почти мальчишеское ликование. Как будто мы обманули кого-то очень важного и строгого. Обманули саму судьбу, предписывающую разгрузить сначала сервизы и сковородки.

– Голодный? – спросила она, проводя пальцами по моей груди.

– Умираю.

– Консервы ищут добровольца для вскрытия.

– Я как раз специалист по вскрытию, – я приподнялся на локоть, глядя на неё. Лицо её было раскрасневшимся, воло-

сы растрёпанными, в уголке губ засохшая точка – моя. Она была невероятно красивой. Не учительницей английского, не образцовой женой офицера. А просто женщиной. Моей женщиной. В этот момент я верил в это безоговорочно.

Я встал, потянулся, кости хрустнули удовлетворительно. Подошёл к окну. Наш сквер, памятник. Вечерняя тень уже накрывала его. Где-то там была та женщина под фонарём? Неважно. Сейчас здесь, за этим стеклом, был мой плацдарм. Моя новая территория.

– Серёж, – позвала она с пола, закутавшись в угол одеяла. – А что, если начальство завтра с утра? Планёрка? Тебя же вводят в должность...

– Пусть подождут, – сказал я, и в голосе моём звучала непривычная, почти дерзкая нота. – У меня сегодня стратегически важное мероприятие на территории нового гарнизона. Обживание. Требуется личного присутствия командира.

Она рассмеялась, и я обернулся. Она смотрела на меня тем старым, забытым взглядом, полным обожания и веры. В этот миг я был для неё не офицером, сделавшим карьеру, а тем самым лейтенантом, который мог заставить её смеяться до слёз и верил, что для нас нет преград.

Я протянул ей руку, чтобы поднять. Но вместо этого потянул к себе, и мы снова оказались на этом дурацком одеяле, среди коробок, в лучах умирающего заката. Завтра будут планерки, разборки, беготня. Завтра начнётся новая служба. Но сегодня – только мы, пыль переезда и это дикое, голово-

кружительное чувство, что всё возможно. Даже счастье.

«Чистый лист», – вспомнил я её слова. И впервые за долгое время мне захотелось не просто подписать его, а нарисовать на нём что-то яркое, смешное и абсолютно несерьёзное. Рука, казалось, помнила это движение. Оставалось только разучиться бояться белого пространства.

Глава 4. Елена. Новое место

Дверь захлопнулась – глухой, финальный щелчок, отрезавший нас от всего мира. Внезапная тишина ударила по ушам. Не тишина покоя, а густая, звенящая тишина вакуума. Мы стояли посреди комнаты, заваленной угрожающими тёмными коробками, как Робинзоны на необитаемом острове, засыпанном непонятными дарами цивилизации. Пахло краской, пылью и... возможностями. Этим резким, чистым запахом новой жизни.

Я сбросила ботинки, вжала босые ступни в прохладный, упругий линолеум. Ощущение было первобытным, острым. Мы завоевали этот квадрат жилого пространства. Теперь он наш.

Сергей первым нарушил тишину. Его китель, тёмно-зелёный, отутюженный до хруста, с мягким шуршанием улетел на ближайшую гору коробок, сбив верхнюю. Этот жест был таким... несерьёзным. Таким дерзким. В нём было столько освобождения, что у меня перехватило дыхание.

– Ну что, гражданка Орлова? Принимаем объект?

Его голос прозвучал низко, с лёгкой, игривой хрипотцой. Я обернулась. Он стоял, расставив ноги, руки на поясе, в растёгнутой рубашке. Не начальник отдела. Капитан пиратов. И я почувствовала, как ответная улыбка рвётся наружу.

– Объект принимается, – заявила я, делая несколько теат-

ральных шагов в центр. Голос эхом отозвался от голых стен. – Но требуются срочные меры по обживанию территории, товарищ начальник отдела.

Мы замерли, разделённые несколькими метрами пустоты. Весь день мы болтали и смеялись, как подростки. Но сейчас воздух между нами сгустился, наэлектризовался. Он смотрел на меня не как на соратницу по переезду. Взгляд его был тяжёлым, тёплым, знакомым до дрожи и в то же время новым. В нём читался прямой, безоговорочный вопрос. И мой ответ уже бился где-то под рёбрами, горячий и готовый.

– Ритуал, – произнёс он негромко. Слово упало между нами, как вызов.

Я только кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Все планы – разобрать «кухню», найти постель – испарились. Были только он, я и это дикое, пульсирующее желание застолбить наше присутствие здесь не мебелью, а собой.

Он шагнул ко мне – не два, а один длинный, решительный шаг. Я не отступила, встретив его грудью. Его руки схватили меня за бока, мои впились в его плечи. Поцелуй был не началом, а продолжением. Продолжением нашего бега, нашего смеха, нашего заговора против скуки и привычки. Он был с налётом соли, пахнул дорогой и кофе, и был таким жадным, что у меня потемнело в глазах.

– Здесь... – вырвалось у меня, когда он отпустил мои губы, чтобы целовать шею, челюсть, висок. Руки сами, помимо воли, потянулись к его ремню, натываясь на холодную ме-

таллическую пряжку.

– На полу? – он усмехнулся прямо в моё ухо, от чего по спине пробежали мурашки.

– Наш пол, – прошептала я в ответ. – Пока он только наш. Мы опустились, сплеться, на грубое байковое одеяло, которое я, движимая каким-то инстинктом, выдернула из ближайшей коробки. Жёстко. Холодный воздух щипал кожу. Но это было неважно. Важно было его тело, тяжёлое и реальное сверху, его руки, срывающие с меня свитер, футболку. Это был не привычный, выверенный танец в нашей старой спальне. Это была драка. Весёлая, отчаянная, захватывающая дух драка за кусочек счастья здесь и сейчас. Я кусала его за губу, впивалась ногтями в спину, слыша, как где-то с грохотом падает стопка книг. Мир сузился до запаха его кожи, до стука собственного сердца в ушах, до ослепительного солнечного зайчика, прыгающего по потолку в такт нашим яростным движениям.

Это не было нежностью. Это было заклинанием. Диким, первобытным актом изгнания призраков прошлого и освящения нового места. Мы не занимались любовью. Мы ставили печать.

Потом мы лежали, тяжело дыша. Его рука была у меня под головой, онемевшая, но я не шевельнулась, боясь разрушить хрупкое равновесие. Тело горело, а на душе было пусто и светло, как после грозы.

– Балкон будет там, – сказала я в потолок, указывая паль-

цем куда-то вправо, лишь примерно угадывая направление.

– Кресла поставлю сам, – пообещал он. Голос был хриплым, настоящим.

– Обязательно, – фыркнула я. – А то криво получится, как тот твой книжный шкаф в гарнизоне.

Он рассмеялся, и я почувствовала, как смех его вибрирует у меня в затылке. Моё тело отозвалось своим, тихим смешком. Мы лежали и смеялись, как сумасшедшие, среди коробок и пыли. Я чувствовала себя не учительницей, замученной тетрадами, а девчонкой, которая только что совершила что-то запрещённое и невероятно крутое.

– Голодный? – спросила я, проводя кончиками пальцев по его груди, чувствуя под кожей ровный, быстрый стук сердца.

– Умираю.

– Консервы ищут добровольца для вскрытия, – пошутила я, вспоминая нашу коробку с надписью «ЕДА СРОЧНО».

– Я как раз специалист по вскрытию, – он приподнялся на локоть, и его тень накрыла меня. Он смотрел сверху, и в его глазах я увидела не только усталость и удовлетворение, но и то самое, давно забытое восхищение. Он смотрел на меня, как на чудо.

Он встал, потянулся – мускулы спины напряглись под кожей. Подошёл к окну, к тому самому, из которого мы будем смотреть на город. Спина у него была прямая, широкая. Но уже не такая зажатая, как обычно. Он был расслаблен. Победитель.

– Серёж, – позвала я, закутываясь в одеяло. – А что, если завтра с утра? Планёрка? Тебя же вводят в должность...

Он обернулся. Лицо его было в тени, но я увидела оскал – дерзкий, мальчишеский.

– Пусть подождут, – сказал он так легко, как будто отмахнулся от назойливой мухи. – У меня сегодня стратегически важное мероприятие на территории нового гарнизона. Обживание. Требуется личного присутствия командира.

Я залилась смехом – громким, раскатистым, не сдерживая себя. Он рассмеялся в ответ и вдруг шагнул от окна, протянул мне руку. Я потянулась, чтобы он помог мне встать, но он рывком притянул меня к себе, и мы с грохотом свалились обратно на злополучное одеяло.

– Командир, вы нарушаете устав! – прошептала я, уже целуя его в уголок губ, в щёку.

– А я сегодня, кажется, дезертир, – ответил он, и его губы нашли мои.

За окном садилось солнце, окрашивая стены в тёплый, медовый цвет. Где-то там был чужой город, новая работа, завтрашние тревоги. Но здесь, на этом квадратном метре нашего нового, пока пустого дома, пахло счастьем. Настоящим, пахнущим пылью, потом и надеждой. И я ловила его губами, стараясь не упустить ни капли.

Глава 5. Сергей. Планы на будущее

Новый день бьёт по глазам снопом холодного, непривычного света. Я лежу на спине, рука затекла под головой Елены. Мы так и уснули на полу, на том самом одеяле, сбившись в клубок от ночной прохлады. Тело ноет в сотне точек – предательски напоминает о возрасте и вчерашней «активности на твёрдых поверхностях». Но в груди – странная лёгкость. Как будто выпал первый снег и старый грязный мир накрыло чистым, белым покрывалом.

Елена шевелится, её дыхание меняет ритм. Открывает один глаз.

– Утро, – говорит она хрипло. – Мы старые развалины, Серёж.

– Это не мы старые, – огрызаюсь я, пытаюсь разогнуть спину с тихим стоном. – Это пол слишком молодой и необученный. Надо его... дисциплинировать.

Она смеётся, прижимаясь лбом к моему плечу. Этот смех – лучшая музыка, чем любой побудок.

Мы поднимаемся, будто после десантирования – осторожно, кряхтя. Комната при дневном свете выглядит ещё более пугающе. Горы коробок кажутся неприступными. Но страх перед ними куда-то ушёл. Это просто задача. Как на учениях. Разбить на этапы и выполнить.

– Так, – командую я, хлопая себя по бёдрам. – Первооче-

редная задача – найти чайник и ту самую чашку. Без химической стимуляции мозг не запустится.

– Чашка в сумочке, – Елена потягивается, и свитер задирается, обнажая полоску кожи. Я невольно задерживаю на ней взгляд. Она ловит это и улыбается, не поправляя одежду.
– Чайник... «Кухня, коробка №3». Вроде так я подписывала.

Мы начинаем раскопки. Картонные крепости падают под нашим натиском. Лента скотча визжит, разлучая створки. Вскоре мы сидим на полу у балконной двери, пьём крепкий чай из нашей треснутой чашки, передавая её друг другу, как индейцы трубку мира. Солнце греет в спину. Вид из окна уже не чужой – он просто ещё неизученный.

– Первый тост, – говорю я, поднимая чашку. – За отсутствие соседа-барабанщика сверху.

– И за то, чтобы внизу не оказался саксофонист, – добавляет она, чокаясь со мной краем кружки.

День наполняется звуками распаковки, нашими криками «Нашла!» и «Куда это воткнуть?». Я собираю каркас кровати – новенькой, широкой, купленной специально к переезду. Елена командует, держа в руках инструкцию, которая больше похожа на шифровку из генштаба.

– Штифт А в паз Б, при повороте на 45 градусов... Ты вообще это понимаешь?

– Я танки разбираю и собираю с закрытыми глазами, женщина. Расслабься.

– Танк не хрустнул у меня посреди ночи, когда я на него

перевернусь.

– Проверим, – огрызаюсь я, но внутри – сплошное удовольствие. От простого физического труда. От её смеха, когда я пытаюсь ввернуть болт не с той стороны. От этого ощущения, что мы – команда. Не «офицер и его супруга», а просто Сергей и Лена, которые строят своё гнездо.

К вечеру комната преобразается. Кровать стоит, пусть и слегка поскрипывая. Наш старый книжный шкаф занял почётное место у стены. На кухне пахнет готовящейся тушёной с макаронами — наш первый ужин на новом месте.

Я выхожу на балкон. Он маленький, бетонный. Но наш. Я прислоняюсь к холодному парапету и смотрю на зажигающиеся внизу огни. Чувствую себя не наблюдателем, а хозяином этой высоты. Слышу, как за моей спиной Елена напевает что-то под нос, звенит посудой. Это – наш звук. Наша жизнь, которую мы начали собирать заново, как пазл.

– Серёж! Ужин! – её голос доносится с кухни.

– Иду! – откликаюсь я.

Но не двигаюсь с места ещё секунду. Ловлю себя на мысли, что не хочу, чтобы этот день заканчивался. Хочу законсервировать это чувство – лёгкости, единства, начинания. Знаю, что завтра наступит понедельник. Придёт служба со своими требованиями, стрессами, ранними подъёмами. Это чувство уйдёт, растворится в рутине. Но сейчас... Сейчас оно здесь. И я делаю глубокий вдох холодного вечернего воздуха, пытаюсь запомнить его вкус. Вкус нового начала, кото-

рое пока ещё пахнет не одиночеством, а надеждой.

Я поворачиваюсь и иду на кухню, на свет, на её голос. На встречу нашему первому, самому обычному и самому важному ужину на новом месте. Пока мы едим, мы строим планы — куда поставить диван, где вешать телевизор, в какой угол поставить моё кресло для чтения. Мы говорим о будущем, и в его очертаниях пока нет теней. Только свет от нашей настольной лампы и тёплое облако пара над кастрюлей. Я верю каждому слову. В этот момент я верю во всё.

Глава 6. Елена.

Одиночество вдвоем

Прошла неделя. Семь дней, которые пролетели как один долгий, насыщенный, немного сюрреалистичный день. Наши стены постепенно обрастают знакомыми вещами: вот фотография с того самого озера, вот моя вышивка, которую я так и не закончила, вот его скромная полка с книгами по военной истории. Квартира пахнет уже не краской, а нашим мылом, его лосьоном после бритья, моим кофе.

Но за окном – другой мир. Он не спешит становиться своим. Я выхожу в магазин и каждый раз сверяюсь с картой на телефоне. Лица на улицах безликие, чужие. Даже солнце здесь светит как-то иначе – более косо, более холодно. Я ловлю себя на том, что мысленно сравниваю: «А у нас в старом гарнизоне в этом углу была сирень, а здесь – какой-то куст с красными ягодами, я даже не знаю, как он называется».

Сергей уходит рано, возвращается поздно. Новый отдел, новые люди, тонны бумаг, которые нужно «пропустить через себя», как он говорит. Первые два вечера он ещё пытался делиться: «Представляешь, у меня зам такой-то, характер...», «Пришлось три часа разгрести завалы предыдущего начальника...». Потом рассказы становились короче. А теперь он чаще просто молчит. Устало молчит.

Сегодня пятница. Я специально приготовила его любимые котлеты по-киевски, купила хорошего красного вина. Хочу устроить маленький праздник конца первой трудовой недели. Зажигаю свечу, ставлю на стол. Жду.

Он приходит в девять. Лицо – как каменная маска. Сбрасывает китель, тяжёлыми шагами идёт к холодильнику, достаёт воду, пьёт прямо из бутылки длинными, жадными глотками.

– Ужин на столе, – говорю я осторожно, из кухни.

– Спасибо, – звучит глухо. – Не голоден.

Он проходит в гостиную, падает в кресло. Включает телевизор, листает каналы с пультом, но взгляд его застекленевший, он не видит экрана. Я подхожу, сажусь на подлокотник.

– Тяжелый день?

– Обычный, – отмахивается он. – Всё нормально.

– Но ты же говорил, что на этой неделе должны были...

– Лен, пожалуйста, – он закрывает глаза. – Не надо сейчас.

Голова раскалывается.

Это «не надо» висит в воздухе колючей глыбой. Я встаю, иду на кухню. Гашу свечу. Котлеты под соусом из засохшего сливочного масла выглядят уныло и несъедобно. Я ставлю их в холодильник. Сажусь одна за стол, пью вино. Оно кажется кислым.

Через полчаса слышу его ровное дыхание – он уснул в кресле. Подхожу, накрываю его пледом. Смотрю на спящее лицо. На нём – та же усталость, что и в старом гарнизоне. Та

же замкнутость. Получается, мы ничего не оставили позади? Мы просто перевезли наш старый быт, наши старые проблемы, в новые стены? Ощущение «чистого листа» выцвело за неделю, как дешёвая фотография на солнце.

Я вспоминаю тот первый вечер на полу. Его смех. Его дерзкий взгляд. Его слова: «Пусть подождут». Куда всё это делось? Его снова поглотила служба. А я... я снова остаюсь на периферии этой всепоглощающей системы. Декорацией.

Завтра суббота. У нас были планы поехать исследовать город, найти тот самый кинотеатр. Но сейчас, глядя на его осунувшееся во сне лицо, я понимаю — он проспит до полудня, а потом будет либо работать с документами дома, либо смотреть бесконечные спортивные передачи, уставившись в одну точку. И я не найду в себе сил настоять. Потому что увижу в его глазах ту же просьбу: «Не надо. Дай отдохнуть».

Я иду на балкон. Ночь такая же, как та, первая. Те же огни внизу, тот же холодный воздух. Но чувство уже не то. Нет того головокружительного восторга первооткрывателей. Есть тихая, щемящая тоска. И страх. Страх, что наша новая жизнь будет точной копией старой. Что этот переезд был не бегством, а простой сменой декораций в одной и той же пьесе под названием «Одиночество вдвоём».

Я возвращаюсь внутрь, прикрываю дверь балкона. Ложусь одна в нашу новую, широкую кровать. Она кажется огромной и очень холодной. Жду, когда он наконец придёт из гостиной. Но знаю, что даже когда он ляжет рядом, пропасть

между нами, которую мы так лихо перепрыгнули в первый вечер, снова развернется. И станет ещё шире. Потому что её теперь не заполняют общие хлопоты переезда. Её заполняет молчание. И я ещё не придумала, как с ним бороться.

Глава 7. Сергей. Волна апатии и разочарования

Пятница. Конец адаптационной недели, которую в шутку прозвали в отделе «курсом молодого бойца для начальства». Ад крошечный. Мой новый зам, подполковник Крутов, – сухопарый, юркий мужик с глазами-щелочками – оказался мастером тонкого саботажа. Документы «теряются», указания исполняются буквально, чтобы выставить идиотскими, а в кабинете начальства штаба он уже дважды «случайно» упомянул, как лихо справлялся, пока место было вакантно.

Сегодня был кульминационный день. Утренняя планёрка. Я ставлю задачу по переучёту имущества на складах. Крутов, перебирая бумаги, говорит своим сиплым, негромким голосом, который вселялся в тишину как холодный нож:

– Сергей Николаевич, конечно, предложение дельное. Только фонды на внеплановую инвентаризацию в этом квартале не заложены. И личный состав загружен подготовкой к проверке из округа. Если настаиваете – придётся отвлекать людей от уставных занятий. Рискнем боеготовностью?

Весь кабинет смотрел на меня. Я чувствовал себя мальчишкой, который слишком громко заиграл в песочнице у взрослых. Кислящая улыбка Крутова говорила: «Ломать – не строить, новичок».

– Не рискнём, – скрипя зубами, выдавил я. – Отложим вопрос.

– Мудрое решение, – кивнул Крутов, и в его глазах мелькнуло удовлетворение охотника, загнавшего зверя в угол.

Весь день потом я ломал себя через колено, пытаюсь вникнуть в местную, запутанную систему отчётности. Бумаги плыли перед глазами, цифры не складывались. Атмосфера в отделе была как в окопе перед атакой – напряжённая, полная подавленного шепота за спиной. Мой секретарь, робкая девушка Маша, приносила папки, боязливо опуская глаза. Казалось, даже она знала, что новый начальник – временная фигура, которую скоро «съедят».

Возвращаюсь домой. В голове – гул, будто я целый день провёл на взлётной полосе. Я хочу только тишины и темноты. Открываю дверь – и меня встречает тёплый свет, запах готовой еды и... её ожидание. Елена. С сияющими глазами, с празднично накрытым столом. Она так ждала этого вечера. А у меня внутри – выжженное поле. Ни сил, ни эмоций. Только раздражение на эту её неуместную, почти детскую радость. На её попытку устроить «праздник», когда у меня в жизни горит и рушится всё, за что я цеплялся.

«Не голоден», – говорю я, и сам слышу, как это звучит тупо и грубо. Но не могу иначе. Любое слово, любое движение требует энергии, которой нет. Я падаю в кресло, пытаюсь отключиться. А она подходит. С вопросами. С участием. И это участие душит, как тугой воротник. Мне нужно

не сочувствие, не разбор полётов. Мне нужно, чтобы меня оставили в покое. Чтобы эта язва в душе затянулась хоть на время в тишине и одиночестве.

Я отмахиваюсь. Вижу, как гаснет свет в её глазах. Чувствую себя последним подлецом, но не могу остановиться. Усталость и горечь – сильнее.

Просыпаюсь в кресле от озноба. На мне плед. В квартире тихо. На кухне прибранный стол, в холодильнике стоят нетронутые котлеты. Укол стыда – острый и мгновенный. Но следом накатывает новая волна апатии. Завтра надо будет что-то сказать. Извиниться. А я не знаю, как. Как объяснить, что новая должность – не взлёт, а капкан? Что я не герой, покоряющий новые горизонты, а загнанный зверь?

Утро субботы. Я встаю раньше неё, крадусь на кухню, делаю кофе. Смотрю в окно на тот же серый двор. Мысль о «исследовании города» теперь кажется нелепой. Какой город? Какое кино? Мне нужно вырабатывать стратегию, как выжить среди Крутовых. Как восстановить хоть какой-то контроль.

Дверь в спальню скрипит. Выходит Елена. Лицо спокойное, но закрытое. Как у медсестры перед сложной процедурой.

- Доброе утро, – говорит она нейтрально.
- Доброе. Лен, насчёт вчерашнего... – начинаю я.
- Ничего, – перебивает она. – Я всё понимаю. Тяжёлая неделя.

Она говорит это так легко, будто отмахиваясь от мухи. И это «всё понимаю» бьёт сильнее, чем если бы она устроила сцену. Потому что это означает: «Я привыкла. Я не жду ничего другого». И мы оба понимаем, что это — правда.

Мы сидим за завтраком. Тишина висит между нами плотной, непроницаемой завесой. Тот самый «чистый лист» испещрён первыми, корявыми и нестираемыми каракулями разочарования. И самое ужасное — я не вижу сил, чтобы взять новый лист. Кажется, кончилась бумага.

Глава 8. Елена.

Знакомство с коллегами

Понедельник. Утро. Я провожаю Сергея взглядом, пока дверь не закрывается за его прямой, уходящей в никуда спиной. Тишина в квартире становится густой, почти осязаемой. Эти стены, которые неделю назад были полны смеха и надежды, теперь дают. Я не могу сидеть здесь одна. Не могу снова слушать, как тикают часы.

Я набираю номер школы, в которую устроилась. Директор, Татьяна Викторовна, женщина с приятным, тёплым голосом, сразу идёт навстречу:

– Елена Сергеевна, конечно, заходите! Познакомьтесь с коллективом, с кабинетами. Завтра уже начинаются занятия, а вы у нас всё ещё призрак, – смеётся она.

Школа оказывается недалеко – двадцать минут пешком через тот самый сквер. Старое, но ухоженное здание с высокими окнами. Внутри пахнет мелом, древесиной и... детством. Этот запах действует на меня как бальзам. Здесь кипит жизнь, не заикленная на рангах и бумажках. Здесь кричат, смеются, спорят. Здесь есть будущее.

Татьяна Викторовна, энергичная дама с седыми, коротко стриженными волосами и умными глазами, лично проводит меня по коридорам.

– Вот ваш кабинет. Англичанка наша, Софья Марковна, ушла в декрет досрочно, так что наследство вам почти нетронутое. Только цветы полейте, а то засохнут.

Она представляет меня коллегам на летучке в учительской. Учитель истории, бородатый добряк Игорь Олегович, крепко пожимает руку: «Ну, слава богу, хоть один живой человек в языковом цехе!» Учительница младших классов, юная, веснушчатая Аня, сразу предлагает чаю: «У нас тут самовар, чисто для моральной поддержки!» Их принятие – простое, без подвоха – согревает сильнее любого чая.

А потом, на перемене, я выхожу в коридор и сталкиваюсь с ней. Буквально.

– Ой, простите! – мы хором произносим и расступаемся.

Передо мной – женщина лет тридцати, в белом медицинском халате, поверх которого накинута стильная кожаная куртка. У неё светлые, чуть растрёпанные волосы, собранные в небрежный пучок, и поразительные глаза – очень светлые, серые, с искоркой живого, немедленного интереса. В руках у неё – диспансер для прививок.

– Вы новенькая? – спрашивает она, и её голос низковатый, немного хрипловатый, очень уверенный.

– Да, Елена. Английский.

– Мария. Школьный фельдшер. Точнее, приходящий фельдшер из военного госпиталя, – поправляется она, ловко перехватывая диспансер, готовый выскользнуть. – У них кадровый голод, вот и мотаюсь между школой и лазаретом.

Вы, я смотрю, тоже не местная?

В её интонации нет ни капли праздного любопытства. Есть профессиональная заинтересованность. Как будто она ставит предварительный диагноз: «новый организм в среде, адаптация».

– Муж военный. Переехали недавно.

– А, понятно, – кивает она, и во взгляде её мелькает что-то, похожее на понимание. Не простое «ах, как интересно», а более глубокое. – Тяжело первые месяцы. Особенно если не своя колея. Я сама три года назад из Питера сюда перебралась. До сих пор иногда просыпаюсь и не понимаю, где я.

Её слова попадают прямо в цель. Я чувствую, как внутри что-то разжимается.

– Да, – просто говорю я. – Именно так.

Раздаётся звонок. Мария гримасничает:

– Эх, а я было разговориться собралась. Бегу, десятый класс ждёт мучений от прививки. Забегайте как-нибудь в медицинский кабинет, поболтаем. Там хоть аспирин на всех хватит.

Она улыбается – широкая, открытая улыбка, от которой её серьёзное лицо мгновенно преображается, становится молодым и озорным. И скрывается за углом.

Я возвращаюсь в учительскую. В голове звучит её фраза: «До сих пор иногда просыпаюсь и не понимаю, где я». Она сказала это так легко, как о чём-то само собой разумеющемся. Без тени той гнетущей тоски, которую я ношу в себе. Как

будто это просто факт, с которым можно жить. И даже смеяться.

Весь оставшийся день проходит в ином ключе. Я знакоюсь с программами, разбираю бумаги в своём кабинете, болтаю с Аней за тем самым самоваром. Узнаю местные сплетни, смешные истории про учеников. Мир обретает краски и запахи. Здесь я – не «жена офицера». Я – Елена Сергеевна. У меня есть своё место, своё дело, свои коллеги, которые видят во мне не приложение к мужу, а отдельного человека.

Возвращаюсь домой. В квартире всё так же тихо, но теперь эта тишина не давит. Она просто контрастирует с шумным днём. Я чувствую усталость, но это приятная, «рабочая» усталость. Я даже напеваю что-то под нос, готовя ужин.

Сергей приходит чуть раньше. Выглядит не так измотанно, но отстранённость в нём никуда не делась.

– Как день? – бросает он, снимая китель.

– Хорошо! – отвечаю я, и мой голос звучит слишком энергично на фоне его усталого тембра. – Знакомилась с коллегами. Очень хорошие люди. И у меня там есть... коллега, фельдшер. Мария. Она тоже не местная, переехала три года назад. Интересная женщина.

Я жду от него хоть какого-то интереса, вопроса, улыбки. Но он лишь кивает, глядя в холодильник.

– Здорово, – говорит он без интонации. – А у нас сегодня Крутов снова цирк устраивал...

Он начинает рассказывать про своего подполковника, про бумаги, про интриги. Его слова пролетают мимо меня. Раньше я бы вслушивалась в каждое, старалась понять, поддержать. Сейчас я просто киваю, помешивая суп, и думаю о чём-то своём. О глазах Марии, полных живого любопытства. О смехе в учительской. О том, что завтра у меня будут мои первые уроки в новом классе.

Я смотрю на Сергея, который, кажется, даже не замечает, что я его не слушаю. Мы сидим за одним столом, едим одну и ту же еду. Но разделяет нас не просто тишина. Разделяет нас целый мир – его мир служебных интриг, который я больше не хочу и не могу считать своим, и мой новый, только что открывшийся мир, в котором есть место и аспирину, и живому смеху, и разговорам с интересными людьми. И я не знаю, есть ли между этими мирами мост. И хочу ли я его сейчас искать.

Глава 9. Сергей. Первое знакомство с Марией

Вторник начался не с бодрящего гула мотора, а с резкого, пронзительного звона в ушах. Это мой служебный телефон. На часах – 06:17.

– Товарищ начальник отдела, – голос дежурного звучит неестественно чётко, – на КПП 3 задержан гражданский с попыткой проноса. Требуется ваше присутствие.

Адреналин, горький и знакомый, вливается в кровь ещё до первого глотка кофе. Я вылетаю из дома, на ходу застёгивая китель. Елена что-то кричит вслед, но я уже не слышу. Голова занята одним: «ЧП. На моём КПП. В первую же полноценную неделю».

На месте уже всё кипит. Ослепляющие фары «уазика», возбуждённые голоса, растерянный и злой мужик в замасленной куртке, которого держат под локти два молодых, вытянувшихся в струнку сержанта. Крутов уже здесь. Он стоит чуть в стороне, курит, наблюдая с выражением лица человека, который пришёл на интересное представление.

– В чём дело, старший лейтенант? – бросаю я дежурному по КПП.

– Так точно! Гражданское лицо, – сержант тычет пальцем в растерянного мужика, – пытался пронести на территорию

часть узелка, завернутого в полиэтилен! На заявление «что везёте» ответил уклончиво!

Из кармана куртки действительно торчит подозрительный свёрток.

– Я ж говорю, инструмент! – хрипит задержанный. – Мне в мастерскую на территории! Договорённость с вашим же МТО!

– А пропуск? – спокойно, почти сладко спрашивает Крутов, делая шаг вперёд.

– Мне... мне сказали, меня встретят! Я Василий, от «Спецмонтажа»!

Я чувствую, как ситуация уходит из-под контроля. Идиотский инцидент. Но если это диверсия? Если там не инструмент? Позвонить в МТО? А если это проверка из округа на бдительность? Все глаза на мне. Крутов курит, и его взгляд говорит: «Ну, начальник, решай. Покажи класс».

– Старший лейтенант, – говорю я, и голос звучит хрипло от утреннего напряжения. – Осмотреть содержимое. Здесь, при всех.

– Товарищ начальник отдела, может, в караулку... – начинает сержант.

– Здесь! — отрезаю я. Не могу показать ни капли неуверенности.

Свёрток разворачивают с церемониальной медлительностью. Все замирают. Из полиэтилена появляется... старый, засаленный разводной ключ и пачка папирос «Беломор».

Тишина. Потом кто-то из солдат фыркает. Крутов медленно выпускает дым.

– Инструмент, – констатирует он сухо. – Стратегического назначения.

У меня горит лицо. Я чувствую себя полным идиотом. Из-за какого-то ключа и папирос поднят на уши начальник отдела в шесть утра.

– Проверить по спискам МТО, – говорю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Если всё чисто — пропустить с оформлением. Старший лейтенант, доклад о происшествии – мне на стол к 10:00.

Я разворачиваюсь и ухожу, чувствуя на спине тяжёлый, оценивающий взгляд Крутова. Он выиграл этот раунд, даже не сказав ни слова. Он просто дал мне возможность публично облажаться.

Весь день проходит под знаком этого унижения. В кабинете я пытаюсь работать, но цифры снова плывут. В 11:00 – совещание у начальника штаба. Крутов делает небольшой, но ёмкий доклад о «мерах по поддержанию пропускного режима», ловко обыгрывая утренний инцидент как пример «повышенной бдительности личного состава». Начальник штаба, полковник с усталым лицом, кивает: «Правильно, Крутов, бдительность – наше всё». На меня даже не смотрят. Я – пустое место.

После совещания задерживаюсь в коридоре, пытаюсь прийти в себя. Слышу за углом тихий смех. Голос Крутова:

— ...а наш-то орёл с ключом в шесть утра драку устраивал. Думал, диверсант с «Беломором». Теперь, поди, рапорт пишет о предотвращении теракта.

Ответный, подобострастный смех. В животе всё сжимается в холодный комок. Я не трус. Я не раз бывал в ситуациях, где реально пахло жареным. Но эта подленькая, бумажно-канцелярская война... Я к ней не готов. У меня нет на неё иммунитета.

Нужно отвлечься. Вырваться. Я вспоминаю, что сегодня должен был подписать документы из госпиталя по медосмотру личного состава. Формальность. Решаю съездить сам — чтобы просто сменить обстановку, подышать другим воздухом.

Военный госпиталь — отдельный мир. Запах антисептика, приглушённые голоса, белые халаты, мелькающие в коридорах. Я нахожу нужный кабинет, стучу. Из-за двери доносится хрипловатый, но бодрый голос: «Входите!»

За столом сидит женщина в халате. Она пишет что-то, низко склонив голову над бумагами. Светлые волосы выбиваются из пучка. Поднимает взгляд.

— Чем могу... — начинает она и замирает.

Это те самые глаза. Светлые, серые, с той самой искоркой живого интереса, которую я заметил тогда, мельком, под фонарём в первую ночь. Только теперь они смотрят на меня не сквозь стекло, а прямо. И в них нет ни капли подобострастия или настороженности, которые я вижу в глазах своих подчи-

нённых.

– Простите, я, кажется, к вам, – говорю я, чувствуя себя нелепо. — Документы из отдела кадров, на согласование.

– А, да, жду, – она откладывает ручку, принимает папку. Её пальцы длинные, уверенные. – Сергей Николаевич, да? Слышала, к нам нового начальника прислали. Садитесь, пожалуйста. Это на пять минут.

Я сажусь на стул напротив. Она быстро листает бумаги, что-то сверяет. Я молча смотрю на неё. На тонкую серебряную цепочку на шее, прячущуюся под воротником халата. На совершенно невоенную прядь волос, выбивающуюся на щёку.

– Всё в порядке, – наконец говорит она, ставит печать с чётким, профессиональным щелчком. – Подпись, вот здесь. Добро пожаловать в наш сонный лазарет.

Она протягивает папку. Наши пальцы почти соприкасаются.

– Вы... вы не та самая... – начинаю я неловко.

Она улыбается. И эта улыбка снова преображает её серьёзное лицо.

– Та самая, что курила под вашим окном? Каюсь, врач с вредной привычкой. Работаю здесь, живу в соседнем доме. Мария.

– Сергей.

– Знаю, – кивает она, и в её глазах появляется лёгкая, понимающая усмешка. – Тяжело, на новом месте? Особенно с

такими... интересными кадрами вроде подполковника Крутова?

Я вздрагиваю.

– Вы его знаете?

– Весь гарнизон его знает, – она пожимает плечами. – Он у нас полгода назад с аппендицитом лежал. Так даже на операционном столе умудрялся строить козни санитарам. Тип.

Я не могу сдержать короткий, хриплый смешок. Впервые за весь день.

– Да, тип, — соглашаюсь я. – Вы... точно врач? Диагноз поставили с одного взгляда.

– Опыт, – говорит она просто. – Новые начальники всегда выглядят либо как Наполеоны, либо как загнанные лисы. Вы – пока второй вариант. Но, – она вдруг встаёт, обходя стол, – это лечится. В смысле, адаптация. Главное – не дать местной плесени себя съесть. И найти точку опоры. Хотя бы в виде приличного кофе. У нас в столовой, между прочим, варят не так уж плохо.

Она говорит это так легко, так по-товарищески, без тени заискивания или флирта. Как коллега. Как... свой человек. И в этой простоте – невероятное облегчение.

– Кофе, говорите? – поднимаюсь и я. – А это уже звучит как медицинская рекомендация.

– Самая что ни на есть, – она снимает халат, вешает на крючок. Под ним – простая тёмная водолазка. Она выглядит... настоящей. Без панциря, без масок. – Пойдёте? Я как

раз пересменок.

Мы выходим из кабинета и идём по длинному, ярко освещённому коридору. И я чувствую, как тяжёлый камень в груди понемногу начинает крошиться. Не потому, что она сказала что-то волшебное. А потому что она увидела. И назвала всё своими именами. И в её присутствии мне не нужно изображать «начальника отдела». Можно быть просто Сергеем. Загнанной лисой, которой предлагают чашку кофе и человеческий разговор. И это, чёрт возьми, много. Очень много.

Глава 10. Мария.

Впервые чувствую азарт

Запах хлорки, ваты и тихого отчаяния – мой стандартный рабочий фон. Три года в этом госпитале, и я уже научилась различать оттенки этого запаха. Сегодня пахнет бумажной волокитой и скукой – утро началось с заполнения кипы отчётов по диспансеризации. Идиотизм: подсчитывать, сколько солдатских глоток я заглянула за месяц. Будто от этого их здоровье улучшится.

Черчу последнюю галочку, когда в дверь стучат. «Наверное, опять фельдшер Саша с вопросами по бланкам», — думаю я раздражённо. — «Входите!»

Дверь открывается. И я замираю.

Это он. Тот самый, из окна. Офицер с прямым, как жердь, позвоночником и глазами, которые тогда, в ночи, показались мне зеркально пустыми. Теперь в них читалось что-то другое. Не пустота, а тяжёлая, плотная усталость. Как будто он тащил на себе невидимый, но очень громоздкий груз.

Он стоит в дверях, немного неловко, с папкой в руках. Высокий, подтянутый, в идеально сидящем кителе. Но вся его выправка – словно сколоченная наспех ширма. За ней видится напряжение каждой мышцы.

«Чем могу...» — начинаю я автоматически и обрываю фра-

зу. Наши взгляды встречаются, и я вижу, как в его глазах проскальзывает смутное узнавание. Так он и стоит – каменный гость на пороге моего бумажного царства.

Он говорит про документы, садится. Голос низкий, с приглушённой хрипотцой, будто он давно не пользовался им для нормального разговора. Беру папку, листаю. Руки у него – большие, с ровно подстриженными ногтями, но на костяшках правой — старые, давно зажившие ссадины. Спортивные? Или что-то другое?

Поднимаю взгляд, чтобы что-то спросить по бумагам, и замечаю, как он меня разглядывает. Нет, не так, как смотрят мужчины обычно. Скорее, с каким-то немым удивлением, как на незнакомое, но интересное явление. От этого взгляда по коже бегут мурашки – не неприятные, а... оживляющие. Как удар слабого тока.

– Вы... вы не та самая... – начинает он неуверенно.

Я не могу сдержать улыбку. Значит, помнит. Не просто силуэт в ночи, а конкретную деталь – сигарету под его окном. В этом есть что-то личное, почти интимное.

– Та самая, что курила под вашим окном? Каюсь, врач с вредной привычкой.

Представляюсь. Он – тоже. Сергей. Простое, твёрдое имя, которое ему подходит.

И тут я вижу это. Ту самую закрытость, которую носят как бронежилет. Но в бронежилете есть трещины. И сквозь них сочится раздражение, растерянность и та самая усталость.

Он похож на раненого зверя, который пытается держаться на ногах, потому что не доверяет никому вокруг.

Я упоминаю Крутова. Нарочно. Чтобы проверить реакцию. И вижу, как его лицо на мгновение искажает судорога – почти невидимая, но для моего врачебного глаза – очевидная. Значит, попал в точку. Подполковник уже успел запустить свои щупальца в нового начальника.

– Вы его знаете? – спрашивает он, и в голосе – настороженность.

– Весь гарнизон его знает, – пожимаю я плечами, стараясь говорить легко. – Он у нас полгода назад с аппендицитом лежал. Так даже на операционном столе умудрялся строить козни санитарам.

Он смеётся. Коротко, хрипло, но это настоящий смех. От него в кабинете словно становится светлее. И я понимаю, что хочу услышать этот звук ещё раз. Не тот парадный, для протокола смех, а вот этот – снятый с цепи, немного усталый, но живой.

Я решаюсь на небольшую дерзость. Встаю, подхожу к нему. Не как врач к пациенту, а как... как союзник к союзнику.

– Новые начальники всегда выглядят либо как Наполеоны, либо как загнанные лисы. Вы – пока второй вариант.

Говорю это прямо, глядя ему в глаза. Вижу, как он внутренне вздрагивает от такой откровенности, но не отводит взгляд. Выдерживает. Хороший знак. Значит, не хочет иг-

рать в игры. Значит, устал от них.

– Но это лечится, – продолжаю я, и уже не могу остановить поток слов. Мне вдруг страстно захотелось пробить эту его скорлупу. Показать, что здесь, в этом унылом гарнизоне, есть ещё люди, которые не ходят строем и не строят козни. – Главное – не дать местной плесени себя съесть. И найти точку опоры. Хотя бы в виде приличного кофе.

Предлагаю пойти. Рискованно? Возможно. Но что-то внутри подсказывает, что ему это нужно. Нужен просто разговор. Без рангов, без отчётов. И мне... мне вдруг стало интересно. Не просто как к коллеге. А как к человеку, в глазах которого я увидела ту же потерянность, что когда-то была в моих, когда я только приехала сюда из Питера, с разбитым сердцем и разрушенными планами.

Он соглашается. Идём по коридору. Он – чуть впереди, я – сбоку. Чувствую его взгляд на себе, боковым зрением. Он молчит, но это не неловкое молчание. Скорее, разгрузочное. Как будто он сбросил наконец тот невидимый груз и теперь просто идёт.

– Вы давно в медицине? – неожиданно спрашивает он, когда мы подходим к столовой.

– С тех пор, как поняла, что спасти жизни проще, чем налаживать собственную, – отвечаю я, распахивая дверь. Запах кофе и подгоревшей каши ударяет в нос.

Он снова усмехается. На этот раз – чуть шире.

– Звучит знакомо.

Мы берём подносы, наливаем кофе из огромного, бурлящего термоса. Садимся за свободный столик у окна. Он смотрит на свою кружку, потом на меня.

– Спасибо, — говорит он тихо, но очень серьёзно. – За кофе. И... за диагноз.

– Не за что, — откликаюсь я. – Пациенты, которые признают диагноз, — уже на полпути к выздоровлению.

– А какое лечение предписано, доктор? — в его голосе появляется лёгкий, почти неуловимый оттенок игры.

– О, это целый курс, — говорю я, притворно-деловым тоном. – Минимум одна чашка кофе в день без разговоров о службе. Показаны прогулки в неформальной обстановке. И строгое табу на общение с определёнными видами патогенных микроорганизмов, — киваю я в сторону здания штаба.

Он улыбается. По-настоящему. И это меняет всё его лицо. Оно становится моложе, человечнее. Исчезает та каменная маска начальника отдела. Остаётся просто мужчина. С умными, уставшими глазами и тяжёлыми, но, кажется, не безнадёжными проблемами.

И в этот момент я понимаю, что ввязалась во что-то. Во что-то большее, чем просто профессиональная симпатия или жалость. Передо мной — человек, который, как и я когда-то, тонет в чужой, недружелюбной среде. И я, кажется, только что бросила ему верёвку. Осталось понять, потянет ли он за ней. И куда это нас заведёт. Но сейчас, за этим столом, с этими двумя кружками посредственного кофе, мне

почему-то совсем не страшно. Наоборот. Впервые за долгое время я чувствую не просто интерес, а азарт.

Глава 11. Елена. Две полоски

Утро начинается не с будильника, а с внезапного, спазматического подкатывания тошноты. Я едва успеваю добежать до ванной. Коленки подкашиваются, мир на секунду уплывает в туман. Прислонившись лбом к прохладному фаянсу, я ловлю рваный, глубокий вдох. И вдруг, сквозь волну дурноты, пронзает мысль – лезвие острое и невероятное.

Нет. Не может быть.

Я почти месяц как не вела календарь. Сначала – суета переезда, потом – его погружение в работу, моё – в школу. Мы жили в параллельных реальностях, и тело моё, казалось, замерло в ожидании... Чего? Приказа? Сигнала?

Сергей уже ушёл. В квартире тихо. Я поднимаюсь, мою лицо ледяной водой. Руки дрожат. В зеркале – бледное, с расширенными зрачками отражение. Я вспоминаю ту единственную ночь на полу, среди коробок. Энергию, страсть, смех. Могло ли этого хватить?

В аптеке у дома я беру тест, стараясь не смотреть в глаза фармацевту. Дома, разрывая упаковку дрожащими пальцами, чувствую, как сердце колотится где-то в горле. Проходит три минуты – три вечности. Я сижу на краю ванны и не дышу.

И вот они. Две. Чёткие, розовые, неоспоримые полоски.

В глазах темнеет. Я хватаюсь за раковину. Не страх. Не радость. Оглушительная, всепоглощающая тишина внутри.

Потом— шквал. Мыслей, образов, чувств. Ребёнок. Наш ребёнок. Тот, о ком мы говорили когда-то давно, в первые годы, а потом... потом отложили. «Вот карьера», «вот квартира», «вот переедем». И вот — он. Здесь. Теперь.

Что скажет Сергей? Его каменное, уставшее лицо последних недель встаёт перед глазами. Его поглощённость войной с Крутовым. Он — в окопах. А я... я принесу ему такую новость. Неуместную? Долгожданную? Я сама не знаю.

Весь день я хожу как во сне. На уроках автоматически объясняю учебный материал, а сама думаю о том, как изменится наше будущее. Вижу Марию в коридоре — она что-то бодро говорит, но я ловлю лишь обрывки фраз, киваю, улыбаюсь какой-то застывшей улыбкой.

Возвращаюсь домой раньше. Готовлю ужин. Ставлю на стол свечи — не для романтики, а для храбрости. Руки всё ещё дрожат. Я репетирую фразы: «Серёж, у меня новость», «Представь...», «Мы будем родителями». Все звучат фальшиво и громко.

Он приходит. Выглядит чуть менее разбитым, чем обычно. Видит свечи, настороженно поднимает бровь.

— Юбилей какой?

— Нет, — говорю я, и голос звучит странно высоко. — Садись. Поешь сначала.

Он ест медленно, рассказывает что-то про день. Я почти не слышу. Вижу только его руки, сильные, уверенные. Руки, которые смогут держать младенца. Или отстраняться?

Кофе. Последний глоток. Я не могу больше.

– Сергей, — говорю я, и мой голос наконец обретает твёрдость. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

Он откладывает ложку, смотрит на меня. В его глазах – привычная усталая готовность к проблеме.

– Я беременна.

Молчание. Оно длится секунду, две, три. Всё замирает: звук холодильника, биение моего сердца. Он смотрит на меня, не моргая. Лицо – совершенно нечитаемое. Потом бледнеет. Словно из него выкачали воздух.

– Что? – вырывается у него хриплый шёпот.

– Беременна, – повторяю я, и из глаз предательски наворачиваются слёзы. От страха. От надежды. От всего. – Месяц. Примерно.

Он медленно отодвигает стул, встаёт. Подходит к окну. Стоит ко мне спиной, сцепив руки за спиной. Его плечи напряжены до предела.

– Ты уверена? – голос приглушённый, обращённый в стекло.

– Сделала тест. Две полоски.

– К врачу ходила?

– Нет. Только тест. Но он... он точный.

Он кивает, всё ещё не оборачиваясь. Тишина снова сгущается, становится невыносимой.

– Серёж... – я встаю, делаю шаг к нему. – Это же... это хорошо? Мы же хотели когда-то...

Он резко оборачивается. В его глазах нет радости. Нет ужаса. Есть какая-то дикая, животная растерянность. Как у солдата, который вдруг оказался на минном поле, о котором не предупреждали.

– Хотели, – повторяет он глухо. – Десять лет назад, Лена. Десять. А сейчас... Сейчас у меня Крутов, отдел разваливается, я тут как чужой, мы только переехали, квартира не обжита, ты только работу нашла... – Он говорит быстро, сбивчиво, как будто перечисляет пункты обвинения против самого факта этой беременности.

Меня будто окатывают ледяной водой.

– То есть... это плохо? – срывается шёпот.

– Я не говорю, что плохо! – он повышает голос, и я вздрагиваю. – Я говорю, что... несвоевременно. Чёрт возьми, Лена, я даже спать нормально не могу! А тут ребёнок... Ответственность на всю жизнь! Ты представляешь?

Представляю. Я представляла это весь день. И в моих фантазиях он обнимал меня. Целовал. Глаза его сияли. А не смотрели на меня, как на проблему. Как на ещё одну «несвоевременную» вводную.

– Я так и знала, – говорю я тихо, и слёзы наконец катятся по щекам. – Я чувствовала, что ты не обрадуешься.

Он видит слёзы, и его лицо искажается. Он делает шаг ко мне, но останавливается, будто упирается в невидимую стену.

– Не плачь, – говорит он беспомощно. – Я же не... не от-

вергаю. Просто... Обдумать надо. Взвесить.

— Взвесить? — я смотрю на него, и внутри что-то рвётся. — Сергей, это не отчёт по личному составу! Это — жизнь! Наша жизнь! Она уже здесь! Её не «взвесят» и не «отложат»!

Я не выдерживаю, разворачиваюсь, убегаю в спальню, захлопываю дверь. Падаю на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Тело содрогается от рыданий. Не от горя. От горького, унижительного разочарования. Я принесла ему самое большое чудо. А он увидел в нём... тактическую сложность.

Через некоторое время слышу, как он подходит к двери. Стоит. Не стучит.

— Лена... — доносится его голос из-за двери, сдавленный. — Прости. Я... я просто не готов. Не ожидал. Дай мне время. Пожалуйста.

Я молчу. Не могу говорить. Слышу, как он отходит. Как падает в кресло в гостиной. Зажигается телевизор. Приглушённые звуки спортивного репортажа.

Я лежу в темноте и кладу руку на ещё плоский живот. Там — тишина. Там — новая жизнь. А здесь, за дверью, — наша старая жизнь, которая только что дала глубокую трещину. И я не знаю, выдержит ли она этот новый, огромный вес. Вес нашего неготового, испуганного чуда.

Глава 12. Сергей. Минное поле

Слова «я беременна» повисают в воздухе, и мир наклоняется на бок. В ушах – внезапный, оглушающий звон. Я вижу её лицо – бледное, с огромными глазами, полными ожидания и страха. Вижу две свечи на столе. Она специально создавала обстановку. Для такой новости.

А у меня в голове – белый шум. А потом – взрыв панических мыслей, несущихся обрывками. «Ребёнок. Сейчас. Крутов. Должность. Ипотека на эту квартиру только оформляется. Отчёт к четвергу. Её новая работа. Врач. Надо к врачу. Деньги. Ответственность. Навсегда. Ребёнок.»

Мои ноги сами несут меня к окну. Нужно отвернуться. Собраться. Но собрать не получается. Всё, что я выстраивал последние месяцы – карьерный шаг, новый быт, иллюзия контроля – рушится под тяжестью этих двух слов. Это не плановая вводная. Это – диверсия самой жизни.

Я слышу её робкое «это же хорошо?». И внутри всё сжимается от жгучей, несправедливой злости. Не на неё. На себя. На обстоятельства. На то, что я не чувствую той дикой радости, которой, кажется, должен был бы захлебнуться. Я чувствую только леденящий ужас и тяжесть, в тысячу раз превосходящую груз любого служебного провала.

Я пытаюсь объяснить. Говорю про Крутова, про работу, про несвоевременность. Слышу, как мои слова звучат – сухо,

казённо, чудовищно. Вижу, как гаснет свет в её глазах. Как по её лицу катятся слёзы. И ненавижу себя в этот момент пуще прежнего. Но остановиться не могу. Это мой щит. Моё единственное объяснение той паники, что разрывает меня изнутри.

Она кричит про «жизнь, а не отчёт». И она права. Абсолютно права. Но я не могу переключиться. Я – солдат, который привык оценивать местность, угрозы, ресурсы. А тут местность – неизвестная, угроза – тотальная (не справлюсь, подведу, не смогу), ресурсы – сомнительные. Я не вижу победы. Я вижу бесконечное поле обязательств, на котором уже сейчас подрываюсь на первой же мине – мине её слёз.

Она убегает. Дверь захлопывается с тихим, но финальным щелчком. Я остаюсь один среди праздничного, теперь уже циничного уюта. Свечи догорают, отбрасывая пляшущие тени. Я падаю в кресло, включаю телевизор. Мелькают лица, звучат голоса. Я не вижу и не слышу. Во рту – вкус пепла.

«Прости, – говорю я в закрытую дверь. – Я просто не готов». И это – единственная чистая правда за весь вечер. Я не готов. Не готов к такому повороту. Не готов быть отцом. Не готов делить своё и без того разорванное внимание между войной на службе и... этим. Этим огромным, пугающим Чудом.

Мысль о ребёнке всегда была где-то там, в туманном «потом». «Потом» случилось сейчас. И «потом» оказалось страшнее любого «сейчас».

Ночью я лежу на диване в гостиной. Спать не могу. В голове – карусель. Вот он, маленький, на руках. Мои руки. Неумелые. Боящиеся сжать сильнее или разжать. Вот он плачет. А я не знаю почему. Вот Елена, уставшая, с темными кругами под глазами, а я задерживаюсь на работе, потому что Крутов подкинул срочную бумажку... Я подвожу их. Я подвожу всегда. Я уже подвожу её, даже не начав.

А потом другая картина. Внезапная Мария. Её спокойный, прямой взгляд. Её слова: «Тип». Её уверенность. Рядом с ней я чувствовал... не облегчение. Как будто она видит весь мой бардак и не осуждает, а просто констатирует: «Да, бардак. Двигаемся дальше». С ней не было бы этого давящего ожидания счастья. С ней было бы... проще.

Я вскакиваю, как ошпаренный, и иду на кухню за водой. Эта мысль – предательская, грязная. Я только что узнал, что стану отцом, а моё сознание уже ищет лазейки. Ищет того, кто не будет предъявлять счёта за мою неготовность, за мой страх.

Я снова ложусь, смотрю в потолок. Чувствую себя последним подлецом. И ещё больше – загнанным в угол зверем. Со всех сторон – стены. Служба, долг, семья, ребёнок. И нигде – простора. Нигде – того самого ощущения «чистого листа», которое было так ярко в первый день. Лист оказался испианным ещё до того, как я взял в руки карандаш.

Под утро я принимаю решение. Рациональное, офицерское. Шаг первый: успокоить Елену. Шаг второй: сходить

к врачу, подтвердить. Шаг третий: выработать план. Бюджет, жильё, помощь её родителям, может быть. Разложить по полочкам. Может быть, если всё разложить, станет не так страшно.

Я подхожу к спальне, открываю дверь. Она спит, лицо заплаканное, но спокойное. Рука лежит на животе. Этот жест – защитный, инстинктивный – режет меня больше любых слов.

Я тихо закрываю дверь, иду собираться на службу. Сегодня будет тяжёлый день. Мне нужно будет изображать собранность, контроль. А внутри – взрывоопасная пустота, засыпанная обломками вчерашнего вечера. Я надеваю китель, смотрю на своё отражение в зеркале прихожей. Начальник отдела. Офицер. Будущий отец. Ни одна из этих масок не сидит как своя. Все надетые криво, на живую нитку.

Я выхожу из квартиры. Впереди – день, полный дел, которые вдруг потеряли всякий смысл. И единственная мысль, которая упрямо крутится в голове: я должен сделать выбор. Но между чем и чем – я даже сформулировать боюсь.

Глава 13. Елена. Кабинет 214

На следующий день я звоню в регистратуру госпитальной поликлиники. Голос на том конце провода равнодушно диктует: «Женская консультация, кабинет 214, заведующая – Сидорова Ирина Петровна. Запись на пятницу».

До пятницы – три дня. Три дня хождения по лезвию. Сергей старается: приносит завтрак в постель (пересоленную яичницу), говорит «как ты?» с таким видом, будто спрашивает о состоянии боевой техники после учений. Мы говорим о беременности только в формате «надо сходить, оформить, решить». Он всё раскладывает по полочкам: декретные, больничный, его надбавка. Ни одного слова о том, кого мы ждём. Ни одной попытки прикоснуться к животу, который пока ещё абсолютно плоский. Между нами выросла стена из медицинских терминов и финансовых расчётов. За ней я одна.

В пятницу я отпрашиваюсь с последнего урока. Иду пешком. Каждый шаг отдаётся в висках. «Кабинет 214» звучит как приговор. А что, если внематочная? Если нежизнеспособная? Если... Что будет с нами тогда?

Госпиталь встречает знакомым запахом антисептика и страха. Нахожу нужный коридор. Сидячая очередь из женщин с разными животами – от едва заметных до огромных. Все с папками, результатами УЗИ. Я чувствую себя само-

званкой. У меня нет живота. Только сокрушительная новость и пустота внутри.

– Орлова? – наконец вызывает медсестра.

Кабинет светлый, заставленный казённой мебелью. За столом – женщина лет пятидесяти с короткой седой стрижкой и усталыми, но очень внимательными глазами. Врач Сидорова.

– Садитесь, – говорит она, не глядя на меня, изучая мою пока что пустую карточку. – Первый визит? Срок?

Голос у неё сухой, без эмоций. Я выдавливаю из себя информацию: задержка, тест, предположительно четыре-пять недель. Она кивает, задаёт вопросы про цикл, хронические болезни, вредные привычки. Записывает быстрыми, резкими росчерками.

– На кушетку. Раздевайтесь ниже пояса.

Процедура холодная, буквально и фигурально. Металлические инструменты, резкий свет лампы, быстрые, профессиональные движения. Я лежу, смотрю в потолок, сжав кулаки. Чувствую себя не будущей матерью, а объектом инвентаризации.

– Всё в порядке, – наконец произносит врач. – Матка соответствует сроку. Анализы сдадите сейчас, вот направления. УЗИ через две недели, чтобы убедиться, что сердцебиение есть. Встаёте на учёт?

– Да, – тихо говорю я, одеваясь.

Она заполняет карту, вырывает из неё талончик.

– Муж в курсе?

– Да, — снова говорю я, и голос предательски дрогнул.

– Радуется?

Этот простой вопрос обрушивает всё моё шаткое самообладание. Губы начинают дрожать, в глазах предательски теплеет. Я молча киваю, глядя в пол.

Ирина Петровна вздыхает, откладывает ручку.

– Орлова, посмотрите на меня.

Я поднимаю взгляд.

– Первый ребёнок?

– Да.

– Муж военный?

– Да.

– Тогда слушайте. То, что вы сейчас чувствуете – страх, одиночество, непонимание, – это нормально. Особенно для наших. Они там, в своих «крепостях», часто забывают, что самое важное сражение иногда происходит вот здесь, – она слегка тычет пальцем в стол, обозначая пространство семьи. – Не ждите от него восторгов и сюсюканья. Они другие. Их учат принимать удары, а не... чудеса. Дайте ему время. И себе тоже.

Её слова – не утешение. Это инструкция по выживанию. Точная, без сантиментов. И от этого становится немного легче. Хотя бы потому, что мою ситуацию признали штатной. Не я одна такая.

– Спасибо, – выдыхаю я.

– Не за что. И берегите нервы. Ребёнку вашему они сейчас нужнее, чем ваши слёзы. Идите, сдавайте анализы.

Я выхожу из кабинета с пачкой направлений. Руки дрожат уже меньше. Я иду по коридору и вдруг вижу знакомую фигуру в белом халате, удаляющуюся в противоположный конец. Это Мария. Она идёт быстро, уверенно, о чём-то разговаривая с санитаркой. Её смех, лёгкий и звонкий, доносится до меня.

На секунду возникает дикое, иррациональное желание – догнать её, рассказать всё. Не врачу. А той самой Марии, которая понимает, что такое быть «не местной». Которая смотрит прямо и говорит то, что думает. Но я останавливаюсь. Это не её история. Это моя. Наша с Сергеем. Хотя сейчас она чувствуется только моей.

Я спускаюсь в лабораторию, сдаю кровь. Игла входит в вену почти безболезненно. Я смотрю, как тёмно-алая жидкость наполняет пробирку. В этой крови уже есть он. Или она. Часть меня. Часть его. Наше общее, вопреки всему.

Возвращаюсь домой. Вечером, когда Сергей спрашивает «ну что?», я протягиваю ему диспансерную книжку и квиток с анализами.

– Всё нормально. Соответствует сроку. Через две недели УЗИ.

Он берёт книжку, листает её, изучает печати, как служебную директиву.

– Хорошо, – говорит он. – Значит, действуем по плану.

– По какому плану? – спрашиваю я, и в голосе слышится усталая горечь.

– По плану подготовки. Я сегодня узнал насчёт льготной ипотеки для семей с детьми. И поговорил с сослуживцем, его жена продаёт коляску почти новую...

Он продолжает говорить. Строит планы. Обустраивает территорию. Как тогда, после переезда. Только теперь территория – это наша новая жизнь с ребёнком. А я, кажется, снова остаюсь за её пределами. С тестом в одной руке и диспансерной книжкой – в другой. Ожидая не то чуда, не то приказа.

Глава 14. Мария.

Безопасная дистанция

Бумаги. Снова эти бесконечные, удушающие бумаги. Отчёт о расходе медикаментов за прошлый квартал лежал передо мной, но цифры расплывались в глазах. Всё из-за вчерашней встречи. Вернее, из-за его взгляда.

Сергей. Начальник отдела, который оказался не начальником, а раненым волком. Пришёл с документами, а ушёл... с чем? С моей нервозностью, которая до сих пор не улеглась. Я видела его в коридоре сегодня утром – он шёл быстро, погружённый в себя, даже не заметил моего кивка. И я, к собственному удивлению, почувствовала укол досады. Как будто лишилась чего-то важного.

«Очнись, Маша, – мысленно отчитывала я себя, впиваясь взглядом в графу «аспирин». – Он женат. У него проблемы. Ты – врач. Дистанция. Профессиональная вежливость и ничего больше».

Но тот короткий разговор за кофе выбил почву из-под ног этой самой дистанции. Он слушал. По-настоящему слушал, а не делал вид, как большинство мужчин здесь. И в его ответах не было пошлого поддакивания или менторства. Была усталая честность, которая обезоруживала.

Мой телефон завибрировал, прерывая самобичевание.

СМС от подруги из Питера, Кати: «Ну что, гарнизонная мышь, нашла себе героя в кителе?». Я фыркнула и отложила телефон. Если бы она знала...

Дверь в кабинет распахнулась без стука – верный признак срочности. На пороге стояла молоденькая санитарка Таня, круглолицая и всегда слегка испуганная.

– Мария Андреевна, вас срочно в приёмный покой! Поступление! Срочник, травма на учениях, подозрение на внутреннее кровотечение!

Адреналин, острый и чистый, мгновенно смыл все посторонние мысли. Это был мой язык. Моя территория. Где нет места глупым рефлексиям о чужих глазах.

– Бегу. Готовьте второй кабинет, – бросила я, уже срываясь с места.

Два часа аврала. Сложный, но стабильный пациент. Чёткие действия. Команды. Металлический блеск инструментов. Запах крови и антисептика. Я была в своей стихии – собранная, точная, непроницаемая. Когда кризис миновал, и пациента отвезли в палату, я почувствовала приятную, глубинную усталость. Ту, после которой спится крепко и без снов.

Сняв окровавленный халат, я вышла в коридор, чтобы перевести дух и выкурить предательскую сигарету на служебном балкончике. На часах – уже семь вечера. Основной поток сотрудников схлынул. В длинном, ярко освещённом коридоре было почти пусто.

И тут я увидела его.

Он шёл из противоположного крыла, из кабинета начальника медицинской службы, судя по всему. Шёл медленно, будто против сильного ветра. Лицо было серым от усталости, глаза смотрели в пол. В руке он сжимал папку так крепко, что костяшки пальцев побелели. Он выглядел разбитым. И, чёрт возьми, это снова задело ту же струну, что и вчера. Только сильнее.

Он почти поравнялся со мной, когда поднял голову. И заметил. В его глазах мелькнуло что-то – не оживление, а скорее, короткая вспышка узнавания в этом безликом пространстве.

– Мария, – произнёс он, и голос его был хриплым, как после долгого молчания.

– Сергей, – кивнула я, стараясь, чтобы моё лицо выражало лишь лёгкую профессиональную озабоченность. – Опять бумаги гоняете?

Он горько усмехнулся.

– Скорее, они гоняют меня. Отчёт о... – он махнул рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи. – Неважно. А у вас? Тоже аврал?

– Стабилизировали одного, – коротко ответила я. – Бывает. Вы... как? Прошлый «диагноз»? – не удержалась я.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Взглядом человека, который стоит на краю и решает – молчать или сказать.

– Диагноз подтвердился, – наконец выдавил он. – Только сложнее. На порядок сложнее.

В его голосе была такая беспросветная горечь, что у меня внутри всё сжалось. Это было не про Крутова.

– Хотите поговорить? – спросила я, и сама удивилась своей наглости. – У меня как раз пересменок. И, – я показала на пачку сигарет в кармане халата, – есть средство от стресса. Только не в больнице.

Он колебался секунду. Потом кивнул, коротко, почти нехотя.

– Да. Пожалуй.

Мы вышли через чёрный ход во внутренний дворик госпиталя – пустынное место с лавочками, голыми деревьями и урнами. Вечер был холодным, предзимним. Я прикурила, протянула ему пачку. Он, после секундного колебания, взял одну. Его движения были неловкими, будто он разучился это делать.

– Так в чём дело? – спросила я прямо, выпуская струйку дыма в темнеющее небо. – Если не Крутов, то что? Или кто?

Он молчал, затягивался, потом закашлялся.

– Чёрт, забыл, как это, – пробормотал он.

– Привыкнете. Отвечайте на вопрос, пациент.

Он усмехнулся беззвучно.

– Жена беременна.

Слова упали между нами, тяжёлые и неожиданные, как гири. Я замерла с сигаретой на полпути ко рту. Вот оно. Вот

откуда эта раздавленность. Не служебные интриги. Это.

– Поздравляю, – сказала я автоматически, и сразу почувствовала фальшь в своём голосе.

Он резко повернулся ко мне. В его глазах горел не праздничный огонь, а что-то тёмное, мучительное.

– Не надо. Не поздравляйте. Я... я не знаю, как с этим быть. Я не готов. Я не чувствую того, что должен чувствовать. Никакой радости. Только панику. И страх. И... чувство ловушки.

Он говорил сдавленно, сбивчиво, выплёскивая наружу то, что, вероятно, не говорил никому, даже себе. И я слушала. Не как врач. Не как посторонняя. Я слушала, потому что он доверял мне этот яд. И потому что в его словах я слышала отголоски собственных страхов – не перед материнством, а перед той самой огромной, давящей ответственностью, которая ломает жизни.

– А что вы должны чувствовать? – спросила я тихо. – По учебнику счастливого отца?

– Хотя бы не это! – он с силой швырнул недокуренную сигарету на асфальт. – Она ждёт, что я буду счастлив. А я... я вижу только проблемы. Деньги, квартира, эта чёртова служба, которая съедает всё время... Я вижу, как она плачет, и ненавижу себя за то, что не могу дать ей того, чего она ждёт.

– Может, ей нужно не ваше счастье по шаблону, – осторожно сказала я. – А просто ваше присутствие? Даже вот такое... растерянное.

– Присутствие? – он горько рассмеялся. – Я либо на службе, либо думаю о службе. Я прихожу домой и вижу её глаза – полные надежды, которую я не оправдываю. И мне хочется сбежать. Понимаете? СБЕЖАТЬ. От собственной жены и будущего ребёнка. Какой же я после этого...

Он не договорил. Встал, отвернулся, снова судорожно закурил новую сигарету. Его плечи были напряжены до дрожи. И в этот момент я перестала видеть в нём начальника отдела, мужа, будущего отца. Я увидела просто человека. Красивого, сильного, сломленного собственными же ожиданиями и страхами. И этот вид был невыносимо притягательным. Потому что в нём не было фальши. Только боль. И в этой боли была какая-то дикая, опасная чистота.

Я сделала шаг к нему. Потом ещё один. Теперь мы стояли совсем близко. Я чувствовала исходящий от него холод и внутренний жар.

– Вы не обязаны чувствовать то, что от вас ждут, – сказала я почти шёпотом. – Страх – это нормально. Это инстинкт. Главное – что вы делаете, несмотря на страх.

– А что я делаю? – он обернулся, и наши взгляды столкнулись. Расстояние между нами было в сантиметр. – Я строю финансовые планы. Я ищу коляски. Я делаю всё, что должен делать ответственный мужчина. И внутри при этом – пустота. И желание быть где угодно, только не там, где я должен быть.

Его дыхание было тёплым на моём лице. В глазах – мольба о понимании, о спасении. И я поняла, что стою на краю. Ещё

одно движение – и я переступлю грань, за которую нельзя будет вернуться. Но его боль была магнитом сильнее любого запрета.

– Может, вам просто нужно место, где можно быть не «должным»? – прошептала я. – Где можно быть просто собой? Даже если этот «себя» – растерян и напуган?

Он не ответил. Он смотрел на мои губы. И я видела в его взгляде не просто желание. Видела признание. Признание того, что я стала для него этим самым местом. Оазисом без ожиданий. И это было страшно. И невероятно волнующе.

Я не помню, кто сделал первый шаг. Кажется, мы двинулись навстречу одновременно. Его губы нашли мои – не в порыве страсти, а с какой-то отчаянной, обречённой жадностью. Как будто он пил из источника после долгой жажды. Поцелуй был горьким от табака, солёным от его внутренней боли и безумно, запретно сладким. Его руки схватили меня за бока, мои впились в его плечи, чувствуя под тканью кителя жёсткие, напряжённые мышцы.

Это не была нежность. Это было падение. Стремительное, с головокружительной высоты условностей в тёмную, горячую пучину. Мы стояли посреди холодного двора, за спиной у нас был госпиталь – символ долга и страданий, а мы творили своё маленькое, стихийное бедствие. Я чувствовала каждую линию его тела, каждый стук его сердца, который бился в унисон с моим – не от любви, а от адреналина, от осознания того, что мы перешли роковую черту.

Он оторвался, тяжело дыша, прижав лоб к моему виску.

– Боже, что мы делаем... – прошептал он, но его руки не отпускали меня.

– То, что хотим, – ответила я, целуя его в уголок губ, в щёку, в скулу. Мне было всё равно. В этот момент было всё равно ни на что. Ни на его беременную жену, ни на его службу, ни на мои собственные принципы. Была только эта щемящая пустота в нём, которую я, казалось, могла заполнить. И моя собственная жажда – жажда жизни, которая здесь, в этой глуши, медленно выцветала.

Он снова поцеловал меня, уже более властно, отчаяннее. Его пальцы запутались в моих волосах. Мир сузился до точек соприкосновения наших тел, до вкуса его губ, до хриплого звука нашего дыхания на холодном воздухе.

Потом он резко отстранился, будто ошпаренный. Отступил на шаг. Два. Его лицо было искажено страхом и... стыдом.

– Я не могу... Лена... – он пробормотал.

– Я знаю, – тихо сказала я, выпрямляя халат. Внутри всё горело и пело, но разум уже начинал выныривать из омута, неся с собой ледяные осколки реальности. – Никто никого не заставлял, Сергей.

– Прости, – выдавил он, даже не глядя на меня. – Это... этого не должно было случиться.

И он развернулся и почти побежал к выходу со двора, оставив меня одну с тлеющей сигаретой у ног и с губами, всё

ещё помнящими вкус его поцелуя.

Я долго стояла, прислонившись к холодной кирпичной стене. Дрожь была уже не от страсти, а от холода и осознания. Я только что переспала с женатым мужчиной, у которого жена беременна. Я стала той самой «другой». Клише из дешёвого романа. И самое ужасное – мне не было стыдно. Не было раскаяния. Была только пустота после бури и горькое, тревожное ожидание. Потому что я знала – это не конец. Это только начало. Начало чего-то очень тёмного, очень болезненного и невероятно, опасно живого. А я, кажется, уже не хотела и не могла остановиться.

Глава 15. Сергей. Обвал

Воздух во дворике был ледяным, но моё лицо горело огнём. От её губ, от её слов, от моего же чудовищного, невыносимого предательства. Я бежал от неё, как от места преступления, вжимаясь в тени служебных построек. Сердце колотилось где-то в горле, выстукивая дикий, панический ритм: «Что ты наделал что ты наделал что ты наделал».

Вкус её – сигареты, кофе, чего-то безудержного и женственного – всё ещё был на моих губах. Я вытер рот тыльной стороной ладони, но отскрести это ощущение было невозможно. Оно въелось. Как клеймо.

Я сел в машину, не включая мотор, просто уткнулся лбом в руль. Перед глазами стояли два образа: Елена, бледная, с красными от слёз глазами, держащая в руках эту дурацкую диспансерную книжку. И Мария – с её серыми, всевидящими глазами, в которых не было ни капли осуждения, только понимание и... приглашение. Я принял это приглашение. Я переступил черту. И теперь мир раскалывался на «до» и «после», и трещина проходила прямо через мою душу.

Весь следующий день на службе прошёл в тумане. Крутов что-то говорил на планёрке, я кивал, не слыша. Бумаги на столе превратились в абстрактное цветное пятно. Каждый раз, когда в кабинет входила девушка-секретарь, я вздрагивал, ожидая увидеть белый халат. Стыд и страх были такими

густыми, что я почти физически чувствовал их вкус – медный, как кровь.

А под всем этим – низкое, грязное, неистребимое чувство оживления. Тот поцелуй во дворе был вспышкой в крошечной тьме моей жизни. В нём не было любви. Было спасение. Краткое, самоубийственное, но спасение от самого себя. От груза «должен». И эта мысль была отвратительнее всего.

Вечером я задержался на службе, боясь идти домой. Как я посмотрю в глаза Елене? Как буду притворяться, что ничего не произошло? Что я всё тот же Сергей, который просто боится стать отцом, а не подлец, уже успевший его предать ещё до рождения?

Когда я всё-таки переступил порог, она встретила меня на кухне. Готовила ужин. Лицо её было спокойным, но вокруг глаз легла тень усталости, которой раньше не было.

– Привет, – сказала она без улыбки. – Ужин почти готов.

– Привет, – пробормотал я, избегая её взгляда. Сбросил китель, будто он был покрыт грязью с того двора.

Мы ели почти молча. Она спросила про день, я ответил что-то невнятное про бумаги. Потом она положила ложку.

– Я сегодня была у терапевта, оформляла больничный по беременности. Встретила там ту самую Марию, твоего врача.

У меня перехватило дыхание. Кусок мяса застрял в горле.

– Да? – выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Да. Она... очень деловая. Спрашивала, как ты. Говорила, что вы пересекались по службе.

– Пересекались, – кивнул я, глотая воду. Ладони стали влажными. – По документам о медосмотре.

– Она тебе нравится? – вдруг спросила Елена тихо, глядя прямо на меня.

Мир остановился. В ушах зазвенело.

– Что? В каком смысле? – прозвучало идиотски.

– В обычном. Она кажется... интересной. Сильной. Не такой, как все здесь.

Я увидел в её глазах не подозрение, а какую-то грустную, отстранённую констатацию. Как будто она уже смирила дистанцию между нами и признала существование других женщин как факт. И это было в тысячу раз хуже ревности.

– Она нормальный специалист, – буркнул я, отводя взгляд. – И да, не глупая. Но при чём тут...

– Ничего, – перебила она, вставая и забирая мою тарелку. – Просто подумала вслух.

Ночь была адом. Я лежал рядом с ней, притворяясь спящим. Она лежала на спине, одна рука на животе. Это маленькое, незащитное движение разрывало мне сердце. Я предал их обоих. Ещё не родившегося. И её. Я стал тем, кого презирал всегда. Слабым. Подлым.

Под утро, когда она наконец уснула, я осторожно выбрался из кровати, накинул спортивную куртку и вышел на балкон. Холодный воздух обжёг лёгкие. Я достал спрятанную пачку сигарет – ту самую, её. Прикурил. Дым, горький и едкий, напомнил о вчерашнем. О её руках. О её взгляде. И сно-

ва, сквозь весь ужас и стыд, пробился тот же тёплый, живой ток желания. Желания не тела даже, а той свободы, что была в её присутствии. Свободы от самого себя.

Глава 16. Сергей. Падение

Прошла неделя. Я стал мастером двоемыслия. Днём я был начальником отдела, который с переменным успехом, но всё же начал давать отпор Крутову. Я нашёл старые, «случайно» завалявшиеся отчёты с его подписью, где были вопиющие нарушения. Не показал их, просто намекнул за чашкой чая, что «разбираю архив». Он присмирел. Это была маленькая победа, но она не принесла радости. Она была просто частью выживания.

По вечерам я был мужем, который заботится о беременной жене. Ходил за продуктами, слушал её рассказы о школе, о визитах к врачу. Мы даже съездили посмотреть коляски. И каждый её довольный взгляд, каждое «спасибо, Серёж» било меня по лицу, как пощёчина.

А в перерывах, в укромных уголках сознания, жила Мария. Вернее, её призрак. Я не звонил. Не писал. Но думал постоянно. Прошлялся мимо госпиталя на обеденных перерывах, надеясь мельком увидеть её. Однажды увидел. Она шла быстрым шагом, разговаривая по телефону, и рассмеялась. Этот смех, дикий и свободный, пронзил меня насквозь. Я отвернулся и ушёл, чувствуя себя вором, крадущим чужое солнце.

И вот, в пятницу, судьба (или моё проклятое подсознание) всё же столкнула нас. Не во дворе, а в самом людном месте –

в офицерской столовой. Я стоял в очереди с подносом, когда услышал за спиной её голос:

– Сергей Николаевич, пропустите без очереди? У меня смена через десять минут.

Я обернулся. Она стояла в своём халате, с насмешливо приподнятой бровью, но в глазах – та же натянутая проволока напряжения, что и у меня.

– Конечно, – пробормотал я, пропуская её вперёд.

Она взяла салат и компот, повернулась ко мне.

– Как ваши... дела? – спросила она, делая ударение на слове.

– В порядке, – соврал я. – А ваши?

– Без изменений. Больных много, бумаг – ещё больше. – Она помолчала, потом добавила тише, так, чтобы слышал только я: – И один недолеченный случай. Очень сложный.

Наши взгляды встретились и сцепились. Вокруг гремели подносы, звучали голоса, а между нами натянулась невидимая, раскалённая струна.

– Возможно, ему требуется повторный курс, – сказал я, и сам удивился своему тону. Спокойному, почти вызову.

– Возможно, – кивнула она. – Но только если пациент сам признает необходимость лечения. И готов к побочным эффектам.

Она улыбнулась – не той открытой улыбкой, а какой-то хищной, понимающей – и пошла к свободному столику у окна. Не приглашая. Просто оставив выбор за мной.

Следующие пять минут были агонией. Я стоял с подносом, на котором остывала тушёнка, и смотрел на её спину. Она ела, не оборачиваясь. Каждая клетка моего тела кричала, чтобы я пошёл к ней. Разум вопил, чтобы я развернулся и ушёл. Воспоминание о Елене, о её руке на животе, было как ледяной ком в груди. Но воспоминание о том поцелуе, о том, как эта женщина видела меня насквозь и не отшатнулась, было сильнее. Это было похоже на тягу к саморазрушению. Непреодолимую.

Я пошёл к её столу и сел напротив, не спрашивая разрешения.

Она не удивилась. Подняла взгляд.

– Решился на терапию?

– Мне нужно поговорить, – глухо сказал я.

– Говорите. Я слушаю.

И я заговорил. Не о Елене, не о беременности. О службе. О Крутове. О том чувстве фальши, которое стало моей второй кожей. О страхе, что я никогда не буду соответствовать – ни званию офицера, ни званию отца. Я вывалил на неё всё то, что копилось годами и вырвалось наружу только сейчас. А она слушала. Кивала. Иногда вставляла короткие, точные реплики, которые попадали в самую суть.

– Вы не обязаны соответствовать, – сказала она наконец, отодвигая пустую тарелку. – Вы можете просто быть. Даже если это «быть» – значит быть слабым, растерянным и гадким в своих собственных глазах. По крайней мере, это будет

честно.

– А как же долг? – вырвалось у меня.

– Долг перед кем? Перед системой, которая сожрёт вас без спасибо? Перед женой, которой вы лжёте каждый день, изображая того, кем не являетесь? – Она сказала это без злобы. С холодной, хирургической точностью. – Долг – это когда ты делаешь выбор и несешь за него ответственность. А вы не выбирали. Вам выдали предписание: служить, жениться, завести детей. И вы пытаетесь его исполнить, ломая себя. Это не долг. Это капитуляция.

Её слова были как нож. Они резали правду-матку, обнажая гнилую суть моего существования. И от этой боли было... легче. Потому что она была честной.

– А что же делать? – спросил я, и в голосе моём прозвучала настоящая, детская беспомощность.

– Выбирать, – просто сказала она. – Или продолжать капитулировать. Или начать жить. Даже если это будет больно. Даже если придётся всё сломать.

Она посмотрела на часы и вздохнула.

– Мне пора. Смена. – Она встала, взяла поднос. Потом наклонилась ко мне так близко, что я снова почувствовал её запах – лекарства, стирального порошка и чего-то неуловимого, живого. – Мой номер. Если решите продолжить лечение. – Она быстро нацарапала цифры на бумажной салфетке и сунула её мне в руку, сжав мои пальцы на мгновение дольше, чем нужно. Её прикосновение обожгло. – Но подумайте

хорошо, Сергей. Потом уже не отступить.

Она ушла. Я сидел, сжимая в потной ладони мятый клочок бумаги, на котором был начертан мой приговор или моё спасение. Смотря с какой стороны посмотреть. А вокруг продолжалась жизнь столовой: звенела посуда, смеялись офицеры, пахло дешёвым супом. И я сидел посреди этого всего, полностью одинокий, с адской бездной внутри и цифрами в руке, которые манили, как огоньки н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.